

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Издание подготовлено при содействии литературного агентства
«Антон ЧИЖ Book Producing Agency»

Художественное оформление — *Василий Половцев*

Леонтьев, Сергей Леопольдович.

Л47 Маньяк : [роман] / Сергей Леонтьев. — Москва:
Издательство АСТ, 2024. — 288 с. — (Мастера сыска.
Советское время).

ISBN 978-5-17-164184-9

Андрей, врач скорой помощи, больше не хотел ни расследований, ни приключений, но оказался втянут в них самым неприятным образом — в качестве подозреваемого. Кто совершает чудовищные убийства в тихом городке весной 1981 года и почему рядом с местом совершения преступления видели Андрея... или кого-то очень на него похожего?..

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 9978-5-17-164184-9

© Леонтьев С., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Пролог

1981 год, город С.

Весна пришла, как всегда, неожиданно. Еще ночью столбик термометра за окном опускался до минус двенадцати. А днем, как уверял Павел Геннадьевич, степенный, предпенсионного возраста водитель, было не меньше плюс пятнадцати в тени. Метеонаблюдениям Павла Геннадьевича Андрей доверял. Тот был завзятым садоводом, и от капризов погоды на его шести сотках в садоводческом товариществе слишком многое зависело. Но и без показаний термометра на улице чувствовалось апрельское тепло. Хотя до конца марта еще оставалось целых четыре дня. Метровые сугробы стремительно чернели и оседали. По дорогам и тротуарам весело бежали ручьи, соединяясь в бурлящие речки. Дворы домов моментально стали непроезжими, и Андрей с Оксаной добирались до подъездов пешком, стараясь обходить месиво из подтаявшего снега и грязи. Оксана переживала за свои югославские зимние сапожки, приобретенные в прошлом году в магазине для новобранцев. Купленные там же пижонские гэдээровские полуботинки Андрея для русской весны вообще

не годились, и, поднимаясь в квартиру, доктор останавливался на лестнице, чтобы вылить из обуви воду.

Но настроение все равно было весеннее, радостное, под стать сиявшему над городом солнцу. Казалось, что вместе с темными зимними ночами, пронизывающими ветрами и злыми морозами уйдут в прошлое все тревоги и волнения и впереди их с Оксаной ждет только хорошее.

«Надо заканчивать с расследованиями», — думал Андрей, пока Павел Геннадьевич неспешно вел машину на очередной адрес, ругаясь на городские власти, для которых оттепель, как обычно, наступила внезапно, поэтому снег с обочин вывезти не успели.

— Теперь грязища начнется, «карету», — так водитель называл вверенный ему санитарный автомобиль, — надо будет каждый день по два раза мыть!

Андрей слушал вполуха, кивал головой и думал, что хватит им с Николаем играть в сыщиков, пора остепениться.

«Ты теперь человек семейный, жена на шестой курс переходит, скоро можно и о ребенке подумать. Вот и Коля с Мариной уже о ребенке поговаривают».

В январе Коля с Мариной сыграли свадьбу. Праздник Неодинокий устроил в родной Николаевке, с деревенским размахом: жареным поросенком, томленными в сметане карасями, самогоном, грибочками, разносолами, гармонистом и катанием на тройке. Школьник Вовка под руководством Андрея запустил на свадьбе фейерверк собственного изготовления, после чего его авторитет в глазах николаевских пацанов поднялся на недостижимый уровень. Правда, участковый Митрич ворчал, что так и избу спалить недолго. Но участковому налили стакан самогонки, и он отвлекся.

Вскоре после свадьбы Марина уволилась из роты охраны, переехала в город к Николаю и готовилась к поступлению в юридический институт. Коля выглядел абсолютно счастливым и однажды признался Андрею, что был полным дураком, когда не послушал друга и поперся на эту чертову Лысую горку¹. Летом, скорый приход которого обещал сегодняшний день, друзья планировали взять отпуск и махнуть на машине в Крым...

— Все, дальше не проеду, — сказал Павел Геннадьевич, тормозя, — иначе застряну, толкать придется.

Толкать машину в грязи совершенно не хотелось. Андрей вышел, взял в салоне тяжелый ящик-укладку.

— Может, посидишь? — предложил он Оксане. — Я один схожу. Чего тебе лишний раз грязь месить.

Настырная студентка с копной каштановых волос и лукавой хитринкой в больших зеленых глазах, пришедшая три года назад на практику в бригаду Сергеева, прошлым летом стала его женой. Андрей с тревогой ждал, когда семейный быт начнет потихоньку разъедать отношения и убивать чувства, о чем снисходительно рассуждали умудренные жизнью старшие товарищи, и с радостью обнаруживал, как, напротив, с каждым днем открывает в себе все новые и новые грани влюбленности. Сейчас был период особой нежности и заботы. Андрею хотелось защитить самого дорогого человека от всех жизненных невзгод. Он даже подумывал предложить Оксане уйти со скорой, перевестись на более спокойную работу в стационар. Сегодня он физически страдал, видя, как проваливается девушка в глубокие, покрытые коварным ледком лужи, как морщится и прикусывает губу, когда ледяная вода заливается в сапожки...

Оксана посмотрела на квиток вызова.

— Женщина, двадцать девять лет, без сознания...

— Наверняка ничего серьезного, — сказал Андрей, — обморок или вегетососудистая дистония. Точно не инсульт, я один прекрасно справлюсь.

— Нет, — вздохнула Оксана, — пойду с тобой. Все равно ноги уже мокрые. Вдвоем быстрее, потом обежать поедем. Кушать ужасно хочется.

Скользя и оступаясь, они пробрались во двор панельной пятиэтажки. Первое, что увидел во дворе Андрей, был милицейский патрульный автомобиль с включенной мигалкой. Машина стояла около подъезда, где, судя по нумерации, находилась нужная им восьмая квартира.

«Что за ерунда, — подумал Андрей. — При чем здесь милиция?»

— Посмотри, — он повернулся к Оксане, — кто скорую вызвал?

— Сосед, Иванов Иван Иванович, — сказала Оксана, разглядывая квиток. — Квартира не указана.

Иванов, Петров, Сидоров — распространенные, безликие русские фамилии. Да еще Иван Иванович. Звонивший наверняка солгал, но зачем? Это было непонятно и тревожно. Накатило дурное предчувствие, у Андрея нехорошо заняло под ложечкой, весеннее радостное настроение растаяло, словно снеговик под лучами июльского солнца. Они зашли в подъезд, показавшийся особенно темным и мрачным после яркого солнечного света, поднялись на второй этаж. В дверях восьмой квартиры стоял мрачный сержант.

— Зачем приехали? — вместо приветствия спросил сержант.

Пролог

— Как это зачем?! — возмутилась Оксана и пома- хала квитком. — У нас вызов.

— Нечего вам тут делать.

— Мы обязаны провести осмотр, раз приехали, — миролюбиво сказал Андрей.

— Ну смотрите, дело ваше. — Сержант пожал пле- чами. — Только ты, доктор, один зайди.

— Почему? — удивился Андрей.

— Ей, — сержант кивнул на Оксану, — лучше это- го не видеть.

— Ну вот еще, — дернула плечом Оксана, — вы даже представить себе не можете, что мне приходилось видеть!

Сержант ничего не ответил, только снова пожал плечами, сплюнул на пол и освободил проход.

Они вошли, остановились в маленькой прихожей.

— Направо, по коридору, в комнате, — донеслось сзади. — Руками ничего не трогайте.

Андрей сделал два шага по короткому коридору и повернул в комнату. За его спиной вскрикнула Окса- на. Сержант был прав — лучше бы она этого не видела.

ЧАСТЬ 1

Дело дураков

При схожести в манерах, поведении и проблемах в формировании личности каждый из «серийников» сугубо индивидуален, у всех свои особенности убийств.

Из лекции «Психологический портрет серийного убийцы» в Академии МВД СССР

Глава 1

«24 октября 1979 года из медико-санитарной части следственного изолятора города С., убив двоих охранников и санитаря, совершил побег бывший сотрудник Карагандинского областного управления МВД подполковник Калиев А. И. Примите срочные меры к установлению местонахождения и задержанию. Вооружен, при задержании представляет особую опасность».

Телефонограмма начальникам следственных отделов республиканских и областных управлений
КГБ СССР

— Стой спокойно, не вертись, — приговаривала бабушка, в очередной раз смазывая кривящемуся и шипящему от боли Сашке ссадины и царапины, — йода на тебя не напасешься, весь в отца пошел, такой же сорванец, хорошо хоть заживает все как на собаке.

Была такая особенность организма у Калиева — что в детстве-юности, что теперь, в возрасте за сорок — бытовые и служебные раны и травмы на нем заживали удивительно быстро. Врачи в милицейском госпитале, куда его однажды доставили с ножевым ранением, полученным при задержании опасного бан-

дита, только недоуменно качали головами и пожимали плечами. Пациент, на которого лечащий врач уже заготовил посмертный эпикриз, через несколько дней бодро бегал по коридорам больницы. А войди лезвие ножа сантиметром левее — и до операционного стола тогда еще старшего лейтенанта милиции Калиева не довели бы...

Рана на голове, полученная от удара кувшином с водой, когда он спустился в погреб за вредной девчонкой², медицинского вмешательства не потребовала. Застрявшую под правой лопаткой пулю без осложнений извлекли, второе сквозное ранение, вопреки прогнозам, не воспалилось и не нагноилось. Дело шло к выписке и переводу из медсанчасти в следственный изолятор КГБ, что в планы бывшего подполковника не входило. Сделать оттуда рывок³ будет куда как сложнее. А то, что его переведут именно в комитетский изолятор, Калиев не сомневался. Следовательно, приходивший допрашивать, сунул под нос раненому конторскую ксиву⁴. Значит, дело ведет Комитет.

Загорая на койке, Калиев старался не тратить нервы на бессмысленные переживания по поводу своего провала. Зудела, конечно, неприятной бормашиной в голове мысль о том, что его, матерого волкодава, не одну пару башмаков на земле истоптавшего, с которым боялись связываться отпетые налетчики и убийцы, переиграли какие-то ботаники-докторишки. Но недаром говорится: «И на старуху бывает проруха». От ошибок никто не застрахован. Разбор полетов и наказание виновных — это позже, на воле. А сейчас главная задача — тихо, не пыля, покинуть данное гостеприимное учреждение. Потому как снисхождения от суда

Часть 1. ДЕЛО ДУРАКОВ

с его-то послужным списком ждать глупо и светит ему вышка⁵, без вариантов.

Мясницкая⁶ тоже, конечно, не обычная районная больничка. Окна зарешечены, вооруженная охрана на этажах, но варианты уйти есть. Нужен только помощник из персонала. Опыт работы с агентурой помог вычислить нужного человечка. Хоть газета «Правда»⁷ и уверяет, что в первом в мире социалистическом государстве наркомании нет и быть не может и что от наркомании страдают только богатые зарубежные бездельники в загнивающих капиталистических странах, опер Калиев знал другую правду. И сам несколько раз наркоманов в оперативных разработках использовал. Материал, конечно, с гнильцой, но если правильно и вовремя подойти, то для разовой комбинации вполне годится. Для далеких от криминала законопослушных граждан все наркоманы на одно лицо. А люди опытные знают, что советские любители зелья живут семьями (не путать с советской семьей). Одиночки попадаются, но крайне редко и, как правило, быстро оказываются на прозекторских столах. А в наркотических семьях жесткая иерархия и роли четко распределены. С «достоевскими», например, — теми, кто для семьи продукт достает, вести дела бесполезно. Эти на наркоте не сидят, разве что иногда, от скуки балуются, работают за комиссию. На «матерей», как называют глав семьи независимо от пола, тоже бесперспективно время тратить. Крючок нужно закидывать на более мелкую рыбешку.

Наметанный глаз бывшего подполковника сразу отметил у санитаря по прозвищу Пузырь блуждающий взгляд, легкий тремор рук⁸ и повышенную потливость. При том, что по ночам на улице подмораживало, а ото-

пление в палатах включать не торопились. «Еще не ломка, — диагностировал Калиев, — но уже близко, и с наркотой в семье, видимо, перебои. А может, отлучили парня от кормушки за какие-нибудь проделки». В общем, готов был клиент для вербовки. Не «достоевский» и не «мать», однозначно, типаж самый подходящий. «Из-за угла мешком пуганный», — про таких бабушка говорила. От любого чиха вздрагивает. Явно из младших членов семьи, таким травка в последнюю очередь перепадает. В идеале сейчас следовало вытащить из кармана дозу, помахать перед носом — и делай с Пузырем что хочешь. Вернее, Пузырь для тебя сам что нужно сделает и долго благодарить будет. Но где же сейчас дозу взять? Значит, будет Калиев клиента словесно обрабатывать, входить в доверие. Намекнет, что есть на воле тайничок, а в том тайничке на год всей семье хватит и еще останется. Только надо быть очень убедительным, чтобы Пузырь поверил, чтобы не сомневался и не задумывался. Что-что, а убеждать Калиев умел.

Каталка с накрытым телом, ногами вперед, перемещаемая поздней ночью санитаром в направлении морга, не вызвала интереса у сторожей на этажах. Зерком⁹ меньше — воздух чище. Дремлющий у дверей морга часовой так и не досмотрел сладкий сон. Железные руки ожившего покойника свернули ему шею. Охранника, дежурившего у выхода, через который мертвецов грузили в спецтранспорт для последнего путешествия на городское кладбище, нашли утром с пробитой головой. Голову пробил приклад автомата, который унес с собой все тот же оживший покойник. Рядом с телом охранника лежал задушенный санитар по фамилии Пузырев и по прозвищу Пузырь.

Глава 2

В советском обществе нет и не может быть условий для появления серийных убийц!

Из выступления первого секретаря обкома
КПСС на Дне милиции

Утром после смены Андрей остался на работе, должность заведующего неврологическим отделением требовала его присутствия, не позволяла уйти домой отдохнуть, Оксана отправилась в институт. Андрей предлагал жене прогулять один день, тем более что зачетов и важных семинаров у нее не было. Но Оксана только упрямо мотала головой. После ТОГО вызова они, конечно, обедать не поехали и вообще всю смену ничего не ели, только пили крутой, заваренный по-скоровски чай, практически чифирь¹⁰. Оксана, любительница поболтать, почти все время молчала, на вопросы отвечала односложно, иногда плакала, вытирала глаза кусочками бинта. Хорошо не пользовалась косметикой. Ночью выдался длинный перерыв между вызовами, разошлись по комнатам отдыха: Андрей — в мужскую, Оксана — в женскую. От мысли лечь на диванчике в своем кабинете Андрей сразу отказался, поняв, что не сможет находить-

ся в пустой комнате один. Он не первый год работал на скорой, всякое видел: тяжелые травмы, самоубийства, и на убийства несколько раз выезжал. Но такое!

В общей комнате заснуть тоже не удалось. Как только закрывал глаза — сразу вставала жуткая картина: обнаженное, выпотрошенное женское тело, разложенные рядом органы, веселый розовый шарфик, удавкой обвивший шею, и кровь, кругом кровь...

Почти час он проворочался на кушетке, потом встал, спустился в столовую. Застал там Оксану за очередной чашкой чая, осунувшуюся, с покрасневшими глазами. Так и просидели до следующего вызова.

Больше всего Андрей корил себя за то, что не послушал мрачного сержанта и пустил Оксану в квартиру. И не настоял сразу, что пойдет один.

«Ну как ты мог, — твердил он себе, — ведь русским языком предупредили. Разве можно девушкам подобное видеть?! Тем более Оксане, натуре чувствительной и впечатлительной».

От этих мыслей Андрею хотелось выть и биться головой о стену, он скрежетал зубами, с силой, до боли в пальцах сжимал кулаки.

После утренней оперативки, проверив комплектность медикаментов в ящиках-укладках и оборудование в машинах, убедившись, что все бригады отделения вышли на линию согласно графику, Андрей зашел в кабинет к заведующему реанимацией. Он не собирался жаловаться или плакать в жилетку, просто чувствовал, что ему необходимо выговориться, рассказать кому-то понимающему об увиденном, получить поддержку от человека, чье мнение для него важно. Серега Петров как раз был таким человеком. На несколько